

ЗИХРОНО ЛЕВРАХА!

Залман Самуилович Кауфман

С уходом каждого человека мир теряет какую-то свою часть. С уходом Залмана Самуиловича Кауфмана мы потеряли большого ученого-биолога, любящего отца, до последних мгновений удивительно трогательного мужа, человека широких интересов, не замыкавшегося в своей профессиональной деятельности, человека ясного ума и доброго юмора, тонкого ценителя янской красоты.

Еще за два дня до... он успел откорректировать очередную свою работу – вскоре она выйдет в свет, не как прощание, а как напоминание нам, что предназначение человека – постоянный поиск, постоянная работа над собой. И не нам дано решать, когда остановится этот процесс.

Публикуем фрагменты очень интересных воспоминаний-свидетельств Залмана Кауфмана о своей жизни, которые он просто назвал: «ЗЯМА».

Ревекке, моей много-терпеливой жене

Зяма – это я, ученик восьмой украинской образцовой школы. Когда подошли школьные годы, меня отдали в еврейскую школу. Такие были в местах компактного проживания евреев. Прочитал год, научился читать и писать, но родители, боясь, что в связи с повальной украинизацией, имевшей место в те годы, мне придется переучиваться, перевели в украинскую, которую я и закончил.

Как и большинство сверстников, учился так

себе, ни шатко, ни валко. Отметки были всех калибров, но очень любил книгу. Читал заоем, в школе – из-под парты, дома – за едой. Однажды, зачитавшись, не заметил, как домашние мне дважды сменили еду. Читать научился рано, лет в пять, по-украински и по-русски, чуть позже и по-еврейски. Дедушка Рафаил, хотя и был простым слесарем, знал несколько языков. Он предпринимал героические усилия, чтобы приобщить меня к ивриту, но тщетно: религия – опиум народа. Это в школе я слышал ежедневно. А иврит ассоциировался с религией. Как я теперь жалею!

***

И, тем не менее, с точными науками у меня был лишь флирт, одно из моих многочисленных увлечений. Настоящая любовь была только к биологии. Природу, живое во всех его проявлениях любил до самозабвения. Конечно, прочел все по естествознанию, что мог достать в нашем городе. Хорошо знал содержание всех учебников по природоведению, вплоть до десятого класса, хотя сам был лишь в пятом. Учитель биологии, зная мою страсть, ее всячески поддерживал, приносил различные книги, иногда приглашал к себе домой. Отвечать уроки вызывал редко, отметку ставил так, не спрашивая. Однажды предложил провести беседу в 10 классе. Там из-за кафедры меня не было видно, и беседу проводил стоя на стуле. Видимо, она прошла успешно. Была редкая для урока тишина. После звонка учитель меня поцеловал в голову. Позже, когда разразилась война, и в город пришли немцы, мой учитель биологии стал полицаем и участвовал в расстрелах своих еврейских учеников. Уверен, не пощадил бы и меня. Его звали Василь Евдокимович Бойко.

Первая моя статья была опубликована в журнале «Юный натуралист», когда я был учеником 6 класса. Как это ни странно, но она была замечена. На нее появилась рецензия крупнейшего в то время эколога, прекрасного писателя-натуралиста и удивительного художника-анималиста профессора Московского университета Александра Николаевича Формозова. Кроме рецензии профессор мне прислал и письмо. Так у нас завязалась переписка, продолжавшаяся вплоть до моего ухода на войну.

***

Сдав тринадцать труднейших вступительных экзаменов, я был зачислен на биофак Ленинградского университета – лучшего в то время в СССР. Радости моей не было предела. Но, проучившись всего неделю, был призван в армию – началась финская война. Нас, новобранцев, обмундировали в валенки, теплые фуфайки, выдали белые маскхалаты и оружие. Мне достался ручной пулемет с двумя дисками патронов, но я так и не только не стрелял, но и не узнал, как стреляют. Отправили на Карельский перешеек. Мы залегли в глубоком снегу холодного мрачного леса. Где-то стреляли, иногда ночное небо на мгновение вспыхивало от разрывов снарядов. Царила жуткая неизвестность. Утром мы должны были выдвинуться на передний край и пойти в наступление. Ко мне подошел командир взвода и показал как заправлять в пулемет диски и как стрелять. Но стрелять так и не пришлось. Назавтра война прекратилась, был заключен мир с финнами. Это было 12 марта 1940 года. Дату я хорошо запомнил. С новой силой потянуло в университет, но вместо этого попал в Москву, в Первую Московскую Пролетарскую дивизию – самое элитное соединение того времени.

ЗЯМА

Через какое-то время меня, как более развитого и грамотного, назначили проверять документы у посетителей командующего округом маршала Семена Михайловича Буденного. Понятно, что уже через некоторое время маршал и другие высокие начальники, кабинеты которых расположены рядом, меня знали и даже здоровались. Однажды, когда нам вместо шлемов-буденовок выдали шапки-ушанки, Буденный спросил:

- Что лучше – буденовка или ушанка?
  - Конечно ушанка.
  - Почему? - настаивал маршал.
  - Если командование решило нас одеть в ушанки, значит они лучше.
- Буденный усмехнулся:
- Ну, хитрец! Ты кто? Как тебя зовут?
  - Рядовой Залман Кауфман, товарищ Маршал Советского Союза.
  - А-а... - пожевал мое имя Буденный и скрылся в кабинете.

Караульной рота была недолго, вскоре нас возвратили к каждодневной муштре: отработке строевого шага, поворотов, приветствий, бегу, ползанию по-пластунски, штыковому бою, отражению кавалерийских атак и другому. Всему этому ненужному нас тренировали в то время, когда немецкая армия усиленно моторизовалась, оснащаясь танками и самолетами, боевые качества которых во многом превосходили наши.

***

Первого мая 1941 года торжественный военный парад на Красной площади. Мы к нему готовились весь апрель, с утра и до вечера отработывали строевой шаг. Перед парадом нам вместо стандартных гимнастеров выдали новенькие мундиры, к сапогам приколотили подковки, чтобы четче печатался шаг. Парад проходили «коробками» 8х24 человека с винтовками со штыками наперевес. На Мавзолей стояло все правительство, но Сталина я так и не разглядел – мешало солнце, да надо было следить за равнением.

2 мая, как обычно, выходной, но, несмотря на это, после обеда весь полк был поднят по тревоге, погружен в товарные вагоны и отправлен в Западную Белоруссию – часть Польши, недавно присоединенную к Советскому Союзу. По дороге меня ссадили в небольшой городок Пуховичи, где располагалась парашютно-десантная дивизия. Будучи молодым и глупым, я этому очень обрадовался. Шутка ли – десантник, голубые петлицы с птичками, значок парашютиста, особое внимание девушек... Но медкомиссия пыл несколько охладила: ей почему-то не очень понравился мой вестибулярный аппарат. Я был сильно огорчен и пошел на комиссию вторично, но значок парашютиста и голубые петлицы с птичками носить было не суждено. Видя мое рвение, один из старослужащих повел меня в рощу, расположенную за военным городком. Это оказалось большое кладбище. «Смотри, - сказал он, - здесь лежат те, которым прыгать разрешили». Он покрутил пальцем у виска: «Богу молись, что у тебя такие уши!» В те годы парашюты и методика прыжка были очень примитивными, и кладбища возле парашютно-десантных частей быстро разрастались. Во время войны дивизию забросили к немцам, и вся она погибла.

Меня, несостоявшегося десантника, оправили дальше на запад за город Гродно, на самую советско-германскую границу, в бригаду противотанковых пушек. Поразительно, но это так: бригада, стоящая на границе, была совершенно не вооружена. На батарее было всего несколько дореволюционных винтовок, а у офицеров – по пистолету и всего по две обоймы патронов. Пушки без панорам, на пушку по шесть снарядов, всего несколько автомашин. За два дня до войны пригнали новобранцев. Все они из Средней Азии, одеты в халаты, подпоясанные платками, порусски почти не понимали. И все это – на границе в ожидание войны.

***

В ночь на 22 июня 1941 года на батарее из комсостава остался я один. Это была ночь на воскресенье, и все командование батареи ушло смотреть фильм в ближайшую деревню, оставив меня главным начальником. Ночь была прохладной, от реки тянуло сыростью. Я укрылся потеплее и уснул. Мне снилось, будто по улице идет эскадрон лошадей, громко цокая подковами по брусчатке. Но сон досмотреть не удалось, его прервал часовой, действительно трясший меня за плечо. Выйдя из палатки, я обомлел. Цоканье продолжалось, но это уже были разрывы бомб, сброшенных на местечко Мосты, на Гродно и на небольшой полустанок, что был возле нас. Все они горели. Огромное облако черного дыма затянуло горизонт. Война!!! Что делать? Советоваться не с кем. Первое – всех поднять, убрал демаскирующие белые палатки. Стрелять? По кому? Куда? Чем? На батарее всего несколько снарядов.

Остальные на складах, километров за шестьдесят, и их уже разбомбили. Да и стрелять-то никто не умел, новобранцев даже не успели переодеть в военную форму. Кое-кто из комсостава прибежал из деревни. Из штаба никаких указаний. К тому же двух своих товарищей оставили в деревне – их застрелили поляки. Это были первые жертвы в нашей батарее. Немцы, готовясь к наступлению, обрушили на нас шквальный артиллерийский огонь. Вокруг рвались снаряды. Дым, огонь, пыль, песок забивали горло, глаза, отчаянные крики раненных. Страшно! Очень! Я лежал в воронке, зарыв лицо в землю, звал и молил: «Мамочка, дорогая, спаси меня!!!» Огонь постепенно утих, и пошли танки, стреляя и утюжа, но позже они свернули в сторону, окружая нас. Из командования батареи осталось трое: лейтенант, старшина батареи и я. Какое сопротивление мы могли оказать. Надо отступать, но куда, как? Карт не было, местности никто не знал. Целыми остались лишь две автомашины, к ним прицепили по пушке – и на восток. Они уехали, а меня оставили подрывать оставшиеся пушки. Насыпав песок в ствол и, запрятавшись в щель, несколько пушек подорвал. Но один в поле не воин, поймав пробегающую безхозную лошадь, вскочил на нее и подался в поисках наших. Ехал лесными тропинками, избегая дорог, по которым уже во всю разрезали немецкие танки и мотоциклы. Вокруг что-то взрывалось, что-то горело, где-то стреляли, небо прошивали траассирующие пули, которых мы еще не видели, кто-то истошно кричал. Жутко! Так проехал сутки. Лошадь и я выбились из сил, дико устали. На следующее утро тропинка вывела на большую поляну с людьми. Подкравшись, увидел, что это были наши, не только наши в смысле советские, но наша батарея. Какое счастье! Они уже собирались двинуться дальше, и я еле успел забраться в кузов, оставив лошадь прямо на дороге. Попытались найти какую-нибудь воинскую часть, чтобы к ней прибиться, но такой не попадалось. По дорогам ехали, брели, голодные измученные люди, военные и гражданские. Куда? Зачем? Ответа никто не знал. Проехали Гродно. Страшно зрелище. Разбомбленный родильный дом, несчастные роженицы метались как в горячке. Родившие не знали, где их дети, а те, которым еще предстояло рожать, лежали на земле. На дороге и по обочинам валялись мертвые люди и лошади со вздутыми на летнем солнце животами. Никто их не убирал, да их просто не замечали. А немецкие самолеты бесконечной дьявольской вереницей на бреющем в упор расстреливали эту несчастную человеческую массу. Мое юношеское сознание с трудом воспринимало весь этот кошмар. Наш лейтенант не выдержал, сошел с ума. Нас осталось 26 человек из одиннадцатитысячной 6-й артбригады. Большинство попало в плен, а остальных раздавили танки.

В польских деревнях к нам не скрывали ненависти, стреляли в спину. Единственная надежда – это еврейские местечки, тогда еще густо разбросанные по западным областям Белоруссии и Украины. Здесь к нам относились крайне дружелюбно, охотно давали воду, еду. Узнав, что среди русских солдат есть еврей, сбегало все местечко. Меня принимали как самого почетного гостя. Я впервые видел детей, которые не знали другого языка, кроме еврейского. Они облепляли меня со всех сторон, забирались на руки. Несчастные, они не знали, что их ждет.

***

По дороге тянулись толпы отступающих, иногда пронеслись танки или танкетки. Какие из них наши, какие – немецкие младший лейтенант, конечно, не знал, но пальнуть хотел. И он принял решение: мне было приказано спуститься по дороге вниз и проверять документы у отступающих танкистов. Если окажутся немецкие, дать знать на батарею, и мы отроем по ним огонь из обеих пушек. Винтовок у нас не было, и Зима торжественно вручил мне бутылку с зажигательной смесью: «Брось в немецкий танк и – все». Понять смысла этого идиотского приказа я не смог. Какой немецкий танкист станет предьявлять документы? Меня просто раздавят.

– Вот и хорошо, – упивался своей гениальностью Зима, – мы таким образом узнаем, что это танк немецкий и из двух пушек его раздолбаем.

– Но ведь я погибну!

– Ну и что, зато уничтожим танк. Понимаешь, танк!

Видя, что мои глаза не сияют радостью, Зима вытащил из кобуры наган и стал его нервно поглаживать:

– Я не люблю, когда мои приказы обсуждаются – его маленькие, глубоко сидящие глазки стали излучать неприятные искорки.

Конечно, он мог пристрелить, кто его будет судить? Выхода не было, и я взял бутылку. На мое счастье немецких танков не было. Проехали две наши танкетки. На знак остановиться, они в меня выстрелили парой известных русских слов и, не останавливаясь, промчались.

***

Моя работа разведчика связана с обнаружением целей, сообщением на батарею, которая стоит за несколько километров от передовой, и корректировкой огня. Разведчик – это глаза и уши батареи, и он должен находиться на передовой, в передовых порядках пехоты, он все видит, все знает. Жизнь на передовой сопряжена с риском, постоянными потерями, бесконечными смертями, но постепенно с этим сживаешься, к этому привыкаешь, притупляется осторожность, появляется какая-то беспечность, даже ухарство. Передовая – это изорванная земля, покореженные, изломанные деревья, полуразрушенные землянки и непролазная грязь, все разбито, разбросано, запах взорванного тола, дыма, человеческого испражнения и сладковато-тошнотворный – разлагающихся трупов. Когда линия фронта отодвигалась, убитых собирали и складывали на телегу, а зимой, замерзших в разных позах, на деревенские сани-розвальни. Чтобы не высказывали, перевязывали веревками. Свозили к большим бомбовым воронкам, кого смогли, раздевали (одежда шла заключенным). Наполнив, забрасывали комьями мерзлой земли и снега.

Кормили скромно. Неумное чувство голода не покидало. Кухня располагалась на батарее, возле пушек, в четырех-шести километрах от передовой, еду нам приносили. В рацион неизменно входили сухари и сто граммов водки «наркомовские», для смелости – без них под пули идти совсем непросто. Я всегда имел флягу с водкой, на случай ранения. Сухари раскладывали на кучки, и для честного дележа один солдат отворачивался, другой спрашивал: «Кому?» – и тот называл. Иногда, когда наши окопы были близко от немецких, те, издевательски, кричали: «Рус, кому?»

Тех, у кого нервы не выдерживали ада передовой и пытались бежать, специальные чекистские заградительные отряды перехватывали и тут же расстреливали, иногда показательно – для острастки другим. Трудно забыть совсем мальчишка с тонкой шеей, в непомерно большой гимнастерке и несурзачные ботинки с обмотками. Видимо, из интеллигентной семьи. Он плакал и молил: «Больше не буду. Не стреляйте. Мама будет плакать». Я отвернулся, закрыл глаза и заткнул уши.

***

Как то, находясь в разведке, я тихо продвигался в густых зарослях ивняка и неожиданно лицом к лицу столкнулся с немцем, видимо, тоже разведкой. Он оказался испанцем из «Голубой дивизии», воевавшей на стороне Германии. Он не успел взбросить автомат, а мой пистолет лежал за пазухой фуфайки. Мы схватились, завалась рукопашная. Я старался прижать его к себе, чтобы он не смог в меня развернуть автомат. Сильным ударом каски испанец разбил мне лицо, выбил зубы, разбил нос. Вся его физиономия была измазана моей кровью, жизнь висела на волоске, но я смог достать пистолет.

***

Только что закончилась война, ужасы Холокоста, антисемитская истерия, и на фоне этого – возникновение еврейского государства, исполнение вековой мечты еврейского народа, униженного, оскорбленного, почти уничтоженного, и снова война за его независимость, кровавая, непосильная, со всем арабским миром. Все это сплотило еврейскую молодежь. Мы эти события воспринимали очень близко к сердцу, сильно переживали. Многие из нас прошли войну и еще не забыли, как держат в руках автомат, наиболее радикальные рвались туда. Кроме того, возмущали и идиотские компании по пересмотру основ ряда наук – биологии, филологии, философии и других.

Как-то на одном из партийных собраний, посвященных положению в биологической науке, я, молодой и горячий, выступая, брякнул: «С тех пор, как Лысенко возглавил биологическую науку, та облысела!» По залу прокатился смех, но смеялись далеко не все... Я особо не стеснял себя и в других выражениях. Понятно, что в нашу компанию запустили стукача. Он себя хорошо маскировал и не вызывал подозрений. За нами началась охота. Первого взял меня. В декабре 1948 года, когда до окончания университета осталось совсем чуть-чуть. На рассвете за мной приехали, обыскали и отвезли в «Большой дом» – здание Ленинградского управления МГБ, поместив в одну из множества одиночных камер. Жизнь сделала очередной круглый вираж. Полгода одиночки, этапы, пересылки, лагеря, непосильный труд и грулой камер. Камера три на четыре шага, цементный пол, под потолком небольшое решетчатое окно с закрашенными стеклами и большим жестяным козырьком. Возле стенки – металлическая шконка – кровать, которая на день поднималась и пристегивалась к стене, такие же столик и стул, тоже прикреплявшиеся к стене. И тут же унитаз и вода. Толстая дверь с глазком и небольшим отверстием для получения баландов. Электричество не выключалось всю ночь, хотя ночью спать почти не приходилось – допросы, а днем кровать, стул и стол пристегивались к стене, а пол увлажнялся. Отсутствие сна очень изнуряло. Я начал «доходить», но упорно сопротивлялся, не понимая, в чем моя вина перед народом, государством, страной, которую я защищал, каждый день идя на смерть.

Однажды, когда меня поздно ночью приволокли в кабинет следователя, я ахнул: рядом с ним, о чем-то оживленно беседуя, сидел Еська Баренбаум, аспирант французского отделения филфака, активный участник наших тусовок, или, как значилось в следственных материалах, «преступных сборищ». Теперь активно участвовал в допросе. Он был не только примитивным стукачом, но и сотрудником еврейского отдела МГБ. Посадил не только меня, но и еще семерых наших товарищей, не пощадил и красавицу Беллу Локшину, за которой увивался. Его работа щедро оплачивалась. Он, шутя, поступил в аспирантуру, без труда получил квартиру в Ленинграде, быстро защитил кандидатскую, а за ней – докторскую (ее тема: «Ленин, как читатель»). Знал какую тему выбрать». Сейчас – профессор Института культуры, заслуженный деятель науки, упоминается в «Российской еврейской энциклопедии», даже ездил с какими-то лекциями в Израиль, ведет безбедную и вполне счастливую жизнь, совесть его вовсе не корбит. Будучи в Питере, я его случайно встретил на Анничковом мосту. Он шел с какой-то женщиной. Меня узнал, изменился в лице, испугался. Я его трогать не стал. Лишь бросил: «Какое же ты ничтожество!» – и плюнул в лицо.

***

Но самой колоритной фигурой, несомненно, был Иосиф Бергер. Бывший секретарь компартии Палестины и глава ближневосточного отдела Коминтерна, заодно он выполнял и некоторые delicate функции нашей внешней разведки. Родом из Польши. Закончил философские факультеты Ягеллонского университета в Кракове и университета Сорбонны в Париже. Человек удивительной гуманитарной эрудиции, полиглот, свободно владевший почти всеми европейскими и некоторыми восточными языками. Мог часами в самой доступной форме рассказывать о философских воззрениях, скажем, Фихте, Ницше, Шопенгауэра или Спинозы, о различных эпизодах еврейской истории. Я слушал его, забыв обо всем. Еще будучи молодым, он увлекся левым сионизмом и уехал в Палестину, участвовал в создании первых кибуцев. Понятно, что Сталин такую личность не мог оставить без внимания. Когда я с ним встретился, он сидел уже 22-й год. Бергер был небольшого роста, очень худой, в очках с металлической оправой и с неизменной фуражкой на голове. С Львом Гельсзонсом, бывшим директором Вильнюсской еврейской гимназии, разменявшим лишь второй десяток, он разговаривал только на иврите. Это им обоим доставляло удовольствие. Как-то Бергера вызвали на этап. В лагерь должна была прибыть группа воров, враждовавшая с ворами, сидевшими в этом лагере (так делалось специально, чтобы уменьшить возможность сговоров, массовых побегов и пр.) Это обещало страшную карусель – поножовщину. Один из воров, чтобы избежать резни, попросил Бергера остаться в лагере, чтобы самому вместо него уйти на этап. Так, как Бергеру воровские разборки ничем не угрожали, он согласился, а тот, выдав себя за Бергера, ушел. Такое иногда практиковалось. Но этап оказался особенным. Все отобранные были отведены на несколько километров от лагеря и расстреляны. Волею случая Бергер остался жить. Из ортодоксального коммуниста-атеиста он превратился в глубоко верующего человека. Ходил только в головном уборе, несколько раз на день молился, отказался от лагерной трэфной пищи. Питался в основном хлебом, достая где-нибудь какие-нибудь продукты, сам готовил в консервной банке. А в пасху, по уставу, и хлеба не ел. Его в лагере уважали. Если кто-нибудь доставал съестное, угощали. Даже надзиратели и сам начальник лагеря иногда подбрасывали что-нибудь пожевать. Худ был страшно – кожа да кости. Ко мне относился с отеческой любовью. Когда я, уставший за целый день, и согретый, засыпал возле него, он что-нибудь подкладывал под мою голову и укрывал фуфайкой. После долгожданной смерти «Корифея Корифеевича», Иосифа Бергера освободили, и он через Польшу уехал в Израиль. Там, читал лекции в Бар-Иланском университете, успел написать несколько книг о своих мытарствах по кругам сталинского ада. Возможно, в какой-нибудь из них упоминается и обо мне.

«Звать меня Залман...» (Заметки о еврейском детском фольклоре и его судьбе) (Окончание. Начало в № 241)

Все сказанное выше позволяет мне не согласиться с одним из посылов в целом интересной, основанной на редких, изданных в разные годы за рубежом источниках статьи «Колыбельная в фольклоре идиш как отражение жизни народа» израильского музыканта и фольклориста Михаэля Лайнванда, назвавшим еврейские «бездомными колыбельными бездомного народа», «лишь частично выполняющими свою основную функцию». Обращаясь к содержательной стороне фольклорной и литературной колыбельной песни, отражающей «стремительно меняющийся мир», Лайнванд заключает: «Итак, колыбельная на идиш, будучи продуктом, с одной стороны, народа-изгоя, лишенного национальной родины, бесправного и угнетенного, но наделенного бунтарским духом, а с другой – обстоятельством: голода и нищеты, погромов, эмиграции, революций, войн, гетто и лагерей уничтожения и т.д., как таковая выполняет свою основную функцию – успокаивать, укачивать, убаюкивать – лишь частично и в основном за счет мелодии. Текст же ее – это излияние «тяжелого сердца» матери. Он пробуждает, протестует, борется, взывает, призывает. Нередко это песни гнева, ужаса, социальной бури и натиска. Из них исчезает колыбелька вместе с объятым пламенем домом, а в ней – и отец, и мать, да и сам адресат, ребенок».

Действительно, насыщенность поздних колыбельных песен не свойственными этому жанру мотивами, вызывает определенную его трансформацию. Песни успокоения становятся песнями гнева и борьбы, обретают новый смысл и новую окрашенность. И таких текстов много.

*... Спи, мой маленький, пройдут года,
Может, выживешь и станешь старше,
Может статься, отомстишь тогда
Ты за ложь, за кровь, за слезы наши.
Лю-лю-лю.*

(Песни былого, с. 197)

У бездомного ребенка не может быть своей кровати. Кровать, у которой сидит мать, – это фиксированное, защищенное пространство дома, откуда она посылает ребенку сигналы любви, нежности, заботы, защищенности. Еврейская колыбельная песня – песня дома:

*Спи, моя дочурка,
Спи в своей кровати.
Песенку тебе спою,
Чтоб заснула сладко.*

(Антология, №3)

*Спи, мальчик мой родной,
Сыночек дорогой,
Здесь над твоей кроватью,
Хороший мальчик мой,
Сижу я с песней сладкой...*

(Песни былого, с. 194)

И эти определяющие сюжеты и мотивы еврейских колыбельных песен, имеющих давнюю традицию, делают их бесценными памятниками народной культуры. Потенции и импульсы жанра праматери оказались настолько мощными и продуктивными, что дали жизнь произведениям недетской тематики, произведениям с новыми мотивами, отразившими трагические страницы истории и судьбы еврейского народа.

Дошедшие до нас в переводных публикациях тексты других жанров еврейской «поэзии пестования» единичны и позволяют предположить, что их бытование обусловлено воздействием детского русского фольклора. К таким «первообразам искусства» относятся вот эта потешка с явными особенностями национальной традиции.

*Мой Янкель, моя розочка
Пришла к нам в гости козочка.
Для нашего детки
Принесла конфетки.
А дедушка малышке
Подарил две книжки.
Будет Янкеле читать,
Будет Янкеле писать...*

(Песни былого, с. 196).

Нередко эти тексты становятся нам известны благодаря поэтам, подобно обработанной Л. Квитко пестушке – аналогу русским «Потягуношкам»:

*Потягуша,
потягись!
поскорей, скорей
проснись!
День настал
Давным-давно...*

(Детский мир. с.35)

или такой вопросо-ответной прибаутке, вызывающей ассоциацию с многочисленными русскими прибаутками «Кисонька-мурысонька, где была?», «Каракуля-коляда, где была?»

*Птичка, птица,
Тём-тём-тём.
Где отец?
- В краю чужом,
Возвратится
Завтра днем.
- Что с собой он
Принесет?
- В двух бочонках
Пиво-мед!
- Куда спрячет?
- В шкаф большой!
- Кто их выьет?
- Мы с тобой!*

(Песни былого, с. 208)

Что касается собственно детского еврейского фольклора, т.е. созданного самими детьми, то дошедшие до нас записи и публикации крайне малоценны. В архиве М.Я. Береговского оказалась одна детская игра с песенкой, которая «была очень популярна на Украине лет сто назад, а то и больше: дети четырех-десяти лет становились в круг, брались за руки, медленно кружились и пели:

*Руде, руде, не ленись,
К тете Брайне повернись,
Следом – ядья Йосл,
Следом – тетя Сосл.
Шёл вперёд
Хоровод –
А теперь назад пойдём.*

Тот из ребят, чье имя называлось в песне, поворачивался спиной к центру, снова брал за руки своих соседей и продолжал кружиться вместе со всеми. Так они и кружились, и пели, пока не оказывалось, что уже не осталось никого, кто стоял бы в круге, как в самом начале. Тогда хоровод рассыпался и набирался новый».

О том, что из жанров собственно детского фольклора особенно популярными и широко бытовавшими были считалки, мы узнаем опосредованно.

Одним из первых о влиянии еврейского детского фольклора на русский заговорил, ссыльный этнограф Г. Цейтлин, который в самом начале XX века, изучая народную культуру Севера, записал более 20 игр и представил их в статье «Народные игры в Поморье». В поморском селе Лапино, недалеко от Сумского Посада, где о постоянном влиянии еврейского жаргона не может идти речь, Цейтлину довелось среди других записать игру под названием «Селюгой» (кстати, ни в одном словаре говоров не удалось найти значение этого слова) с заумной считалкой, слова которой оказываются словами еврейского жаргона и которой дети определяют, кому кем быть

*Ендиль, (огна)
Бендиль, (косточка)
Цюль, (тяни)
А цендиль, (зуб)*

*Ачу
Вачу
Видишь,
Корешь,
Чван.*

«В этом наборе слов, – пишет Г. Цейтлин, – поражаet его еврейское происхождение. В г. Орше Могилевской губернии мне пришлось слышать, как «шаландаются» или «мечутся» перед игрой еврейские дети»...

*Ейндель,
Бейндель,
Цуп
А цейндель
Аре,
Баре,
Каче,*

*Роке,
Журеман,
Капитан...*

Выдающийся собиратель и исследователь русского детского фольклора Г. С. Виноградов в своей работе «Детские игровые прелюдии» (1929), изучая генезис и поэтику считалок, возводит происхождение некоторых любимых детьми заумных считалок именно к еврейским источникам. Он цитирует записанную в Ленинграде считалку

*Айс, цвей, грай
Луга, Луга, лай
Окен, бокен, шандарыкин,
Шарин, барин, пик.*

и комментирует ее как заимствование или переделку стихотворения, которое в Ковенской губернии распевалось еврейскими детьми при различных играх, подтверждая ссылкой на идишский текст из сборника С. М. Гинзбург и П. С. Марекса «Еврейские народные песни в России»:

*Nit eins, nit zwei,
nit drai,
oder – lider – lai!
Oken boken*

Об еврейском происхождении Г. С. Виноградов говорит, приводя несколько считалок из предоставленного в его распоряжение рукописного сборника некоего В. А. Гуревича:

*Энэ бэнэ рэс,
квэнтэр мэнтэр жэс,
энэ бэнэ рабо
квэнтэр мэнтэр жаба.*

*Энэ бэнэ
торба сорба
энце звача
таус эус
косматэус.*

Виноградов полностью воспроизводит интерпретацию собирателя, «об убедительности которой должно судить гебраистам». Суть ее состоит в том, что источником считалочных текстов и заумной лексики (каждое слово расшифровывается Гуревичем) являются «испорченные молитвенные тексты на древнееврейском языке», которого дети не понимали и воспринимали как заумь.<...>. Перенимая эти тексты от еврейских детей, – пишет Виноградов, – русские дети неминуемо должны еще более исказить слова чужого языка: случайное звуковое сходство делает возможным их новое осмысление и новую оболочку».

«Еврейский элемент», а значит, свидетельства широкого бытования обнаруживают в русской считалке современные исследователи И.И. Земцовский и А. Л. Топорков, последний цитирует многократно записанную в начале XX века в России, Белоруссии и на Украине считалку, в которой целый ряд слов восходит к идиш.

*Оны-боны ре,
Интер квинтер жес,
Оны-боны раба,
Интер квинтер жаба.*

За долгие годы занятий детским фольклором я познакомилась с множеством изданий и исследований детского фольклора разных этносов, больших и малых, но не встретила ни одной отдельной публикации, посвященной еврейскому детскому фольклору. Мои заметки преследуют цель – сказать, 1) что в еврейском фольклоре и традиционной национальной культуре есть такая составляющая – детский фольклор и 2) инициировать продолжение разговора. Мои размышления совершенно не учитывают недоступный для меня собирательский материал архивов, отечественных и зарубежных. Хочу надеяться, что образуется группа заинтересованных и компетентных людей, которые в рамках принятых сейчас проектов обратятся к архивам, публикациям и составят сборник еврейского детского фольклора.

Безмерно благодарна председателю петрозаводской еврейской общины и редактору газеты «Общинный вестник» Дмитрию Цвибе-лю за многолетнюю и безотказную помощь в предоставлении необходимой литературы; известному этнографу, фольклористу, преподавателю цугашки Валерию Дымшицу за редактирование записанных на идише текстов.

С.Лойтер

АВРААМ БЕН ИЕГОШУА: О МИССИИ ЕВРЕЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ

В последние годы интерес российской читающей публики к литературе Израиля стабильно высок. В Москве и других городах с презентациями своих произведений и лекциями выступают живые классики – Амос Оз и Меир Шалев, переводятся и издаются на русском языке шедевры классической и современной еврейской поэзии и прозы.

В декабре 2018 года состоялось настоящее ханукальное чудо: несмотря на холодную снежную погоду и насыщенный график выступлений в различных городах мира, в столицу России для участия в книжной выставке «Non/Fiction» и встреч с читателями приехал один из самых ярких и популярных прозаиков Израиля, энергичный человек, оптимист с активной жизненной позицией Авраам Бен Иегошуа. Он родился в 1936 году семье сефардов, переехавших в XIX веке из греческого города Салоники, уже в пяти поколениях потомки отважных репатриантов проживают в Иерусалиме.

А. Б. Иегошуа – автор многочисленных романов, переведенных на десятки иностранных языков, обладатель престижных наград (в том числе, в 1995 году был удостоен Премии Израиля). Его проза, сочная и захватывающая, лиричная и философская поднимает самые сложные вопросы человеческой жизни, психологии отношений, раскрывает противоречия земного бытия и подчеркивает значимость непреходящих ценностей. В книгах писателя немало сложных коллизий, любви, эпизодов истории, тесно связанных с современностью, описаний реалий еврейской жизни в разные времена. О многом можно спорить, но над такой прозой хочется размышлять. По романам Иегошуа также поставлено несколько фильмов (правда, сам автор полностью не удовлетворен ни одним из них).

Прозаик уже побывал в России десять лет назад, но представившуюся новую возможность встречи с российской аудиторией воспринял с большим энтузиазмом. В Москве он представил впервые изданную на русском языке книгу «Дружественный огонь», пообщался с читателями на разных площадках.

Во время беседы со студентами ульпана в Израильском культурном центре «НА-ТИВ» в Москве А. Б. Иегошуа уделил большое внимание формулированию и обсуждению миссии еврейского писателя. «В основе идеологии сионизма стояли не религиозные фигуры, не общественные деятели и не политики-социалисты, которые зачастую противодействовали, а, в первую очередь, – писатели, такие как Герцль, Лиленблюм, Жаботинский, Пинскер, – сказал он. – Это были выдающиеся личности, блестяще образованные интеллектуалы, отлично знавшие историю и понимавшие тенденции развития событий. Можно сказать, что именно писатели, находящиеся на границе еврейства и внешнего мира, острее других осознавали и предвидели возможность грядущей Катастрофы, предчувствовали усиление антисемитизма в мире и своим творчеством предостерегали людей. Точно также в русской литературе Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский заранее предвосхитили возможность революции. Я всегда говорил, что для общества необходимо прислушиваться именно к поэтам и прозаикам, интеллектуалам своего времени».

Значительная часть выступления израильского автора была посвящена проблемам жизни евреев в Израиле и в других странах. В таких вопросах прозаик бескомпромиссен, у него свой особый взгляд на исторические процессы. «Существует мнение, что Государство Израиль появилось потому, что произошла Катастрофа европейского еврейства. Но я уверен, что это случилось, несмотря на Шоа. Во многом трагедия произошла по причине проживания евреев в галуте. Часть внутренней ответственности за события лежит на самих евреях, которые соглашались жить в изгнании, ассимилировались. На момент подписания Декларации Бальфура в 1917 году, открывавшей возможности для создания Государства Израиль, на земле предков проживало всего 50 тысяч евреев, при том, что в мире их было около 15 миллионов. Большинство евреев мигрировали из Восточной Европы на запад. Если хотя бы 5% представителей народа переехали бы на землю Израиля в двадцатые годы прошлого века, вполне возможно, что государство состоялось бы еще до Катастрофы, что позволило бы спасти как минимум два миллиона жизней евреев в тридцатые

годы, а к нынешнему моменту численность израильских евреев достигла бы десяти-двенадцати миллионов. Мы должны винить, прежде всего, самих себя, что не вернулись в начале XX века.

Переход от осознания себя евреем до становления израильтянином является нравственным. Еврей живет в текстах книг, в Торе. Израильтянин должен принять еврейство и начать совершать поступки в реальности. Смысл заключается не только в теоретическом познании, но в превращении опыта в активное действие. Важно изучать Тору, иврит и культуру народа, но жить в современных условиях. Более миллиона евреев из Советского Союза и России, которые переехали в Израиль в 70-е – 90-е гг., своим решением о репатриации изменили не только свои жизни, но повлияли на израильское общество, внесли вклад в различные сферы, позволили стране стать такой, какая она есть сегодня. Трудно себе представить, чтобы алия в Израиль была связана только с антисемитизмом. В любом государстве есть стороны хорошие и проблемные, но возвращение позволяет отчетливо влиять на общественную жизнь и все, что происходит вокруг. Я сержусь на евреев, которые не переезжают в Израиль и на тех, кто покидает страну. Будучи открытым сионистом, верю в общечеловеческие ценности и возможность перемен. Уверен, это морально-нравственный выбор – стать не просто книжным евреем, а активной частью израильского общества», – подчеркивает писатель.

Тема взаимосвязи между русской и израильской литературами стала одной из самых эмоциональных тем, обсуждаемых на встрече с Авраамом Иегошуа. Писатель признается, что на его личность и профессиональное становление русские прозаики и поэты оказали колоссальное влияние. Среди учителей он с огромной теплотой называет имена Пушкина, Гоголя, Чехова, Достоевского, Толстого, Бабеля. По мнению автора, они не только теоретизировали и описывали воображаемые модели событий, но имели глобальную интеллектуальную задачу – своими взглядами, произведениями и действиями повлиять на общественную жизнь. Именно в этом, на взгляд А. Б. Иегошуа, и заключается главная миссия писателя. Он размышляет о том, что переводы классических трудов русской литературы на иврит лучшими поэтами и прозаиками Израиля способствовали не только расширению кругозора читателей, но и воздействовали на развитие иврита, существенно обогатив язык. Таким образом сформировался уникальный творческий взаимообмен между нашими странами.

Немало внимания в произведениях автор традиционно уделяет философии любви и семьи. «Я верю в брак, этот институт мне кажется очень важным. Другие авторы пишут об изменах, трагедиях, расставаниях, – это не мой путь. Я уверен, нет ничего лучшего, чем настоящий союз мужчины и женщины, большинство пар моих героев – очень хорошие. Я стремлюсь описать ту особую связь, которая возникает между супругами, даже если они находятся на расстоянии. В романе «Дружественный огонь» я как раз размышляю над этой темой».

Отвечая на мой вопрос о том, как пишутся его произведения, Бен Иегошуа открывает дверь в творческую мастерскую: «Каждая новая книга, словно другой ребенок, рождается особым образом. Самое трудное для меня всегда – начало. Первые двадцать-тридцать страниц могу писать несколько месяцев. Вначале нужно вывести формулу ДНК романа. С момента, когда она готова, и я точно узнаю, кто мои герои, какие они, могу в течение четырех-пяти месяцев ежедневно многое создавать и менять, перерабатывать. Становится легко, я глубоко проникаю в пространство действия и живу в нем. Всегда отчетливо вижу конец произведения, но не пишу его сразу, а продвигаюсь очень медленно, ясно понимая поставленную цель. Есть писатели, которые работают, не предполагая, чем закончится их книга, со мной такого не случается. У каждого свой путь, в литературе не бывает жестких правил. Важен не процесс, а результат».

Наталья Лайгинен

Еврейская община имеет честь
поздравить с Днем рождения
ЛИПИНУ НАТАЛЬЮ ЯКОВЛЕВНУ
пожелать здоровья, бодрости
и до ста двадцати!

Наша кухня

Хала круглая

100 г. дрожжей, 1/4 ст. теплой воды, 2/3 ст. воды комнатной температуры, 3 стл. сахара, 1 чл. соли, 3-4 сч. муки, 3 яйца, 3 стл. растительного масла, 1/4 ст. изюма, 1 желток

Разведите дрожжи в теплой воде, добавьте 1/2 ст. муки, щепотку сахара, хорошо перемешайте и оставьте в теплом месте на 10 минут. Всыпьте жук в миску (3 стакана) и соль, добавьте дрожжевую смесь, сахар, яйца и остальную воду и замесите тесто. Затем добавьте масло и снова вымесите тесто. Если нужно, добавьте муки. Тесто не должно быть крутым. Оставьте тесто минуты на 3, затем, выбейте о доску, посыпанную мукой (2-3 минуты) и месите еще минут 5-8, положите ошпаренный изюм и еще раз вымесите. Смажьте миску маслом, тесто смажьте тоже маслом и положите его в миску, оставьте в теплом месте для подъема (около 2 часов). Помесите тесто минуты 3 и снова оставьте в теплом месте подниматься (1 час). Разрежьте тесто пополам и из каждой половины раскатайте руками колбаски, один конец которых толще другого, длиной 50-60 см, сверните каждую колбаску спиралью так, чтобы толстый конец лежал в центре, и положите халы на смазанный противень. Смажьте желтком, сбрызните, с двумя столовыми ложками воды, и оставьте минут на 25 в теплом месте, чтобы поднялись. Пеките халы в предварительно нагретой духовке на среднем огне (180°) минут 40-50.

ТОТ, КТО ОСКВЕРНЯЕТ ЧУЖУЮ ДУШУ, ОСКВЕРНЯЕТ СВОЮ

Апокрифы – II Енох, 60:1

Латкес картофельные

2 яйца, 3 ст. тертого отжатого картофеля, 4 ст.л. тертого лука, 1 чл. перца, 2 стл. муки из мацы (или муки), куриный жир для жарки.

Сбейте яйца и смешайте их с остальными продуктами. Разогрейте в сковороде масло и выкладывайте тесто на нее столовой ложкой. Жарьте латкес с обеих сторон, пока не подрумянятся. Подавайте горячими с растительным маслом.

Тертый лук можно заменить тертым яблоком. В этом случае не добавляйте перец. Можно приготовить латкес совсем без лука и без яблок. Если нет мацовой муки, ее можно заменить обычной мукой.

Суфганиот

1 пачка творога, 2 ст. муки, 2 яйца, 2 ст.л. сахара, чл. соли, сода на кончике ножа.

Все продукты тщательно перемешать. Из полученного теста скатать длинную колбаску и разделить ее на небольшие лепешечки. Из каждого кусочка теста скатать шарик. Суфганиот жарить в большом количестве разогретого растительного масла до получения золотистой корочки. Готовые суфганиот по желанию посыпать сахарной пудрой или наполнить повидлом с помощью кулинарного шприца.

Приятного аппетита!